

нистической культуры на раннее христианство было рассмотрено, например, в работе Уилфреда Нокса¹.

Робертсон преувеличивает «революционность» раннего христианства, утверждая, что его лозунгом было установление «царства божия» на земле (стр. 80), что христиане во главе с Иоанном Крестителем и Иисусом Назареем открыто выступали против римского владычества (стр. 93).

Однако вся эта теория «революционности» раннего христианства строится лишь на признании историчности Иисуса и достоверности факта его казни на кресте, что является недоказанным в книге Робертсона. К тому же в некоторых евангелиях (особенно от Матфея и Луки) содержится довольно туманное прославление бедности и осуждение богатства.

Античность выработала отчетливую демократическую терминологию. В античных полисах нередко провозглашались прямые требования отмены долгов и передела земли. Христианство, по существу, заменило эти прямые демократические требования требованием мистического равенства людей перед богом. Этот принцип отрицательного равенства всех людей перед богом, отраженный всего отчетливее, между прочим, в посланиях Павла (напр., К колосс., III, 11), был принципом, вытекавшим из характера раннего христианства как религии рабов, изгнанных, отверженных, гонимых, угнетенных². Но этот принцип мог возникнуть как раз тогда, когда не было революционной ситуации, когда народные массы, разбитые и опозоренные, вынуждены были отступать, когда, отчаявшись победить на земле, они устремляли взоры на неведомое небо. Христианство возникает вслед за империей, когда разгром народных движений и установление диктатуры рабовладельцев заставляло искать выхода не в этом мире. Христианство родилось в атмосфере безнадежности и отчаяния, унижения и злобы, так рельефно выраженной в «Откровении Иоанна», но эту злобу и смутные надежды нельзя смешивать с революционностью.

Дальнейшая эволюция христианства правильно отображена Робертсоном: христианство все более перестает быть религией рабов и униженных, сбрасывает шелуху бунтарской фразы и к концу II в., по существу, превращается в идеологию, оправдывающую рабство.

Таковы основные возражения по поводу несомненно интересной антиклерикальной книги А. Робертсона, в которой автор проводит материалистическую концепцию, заслуживающую внимания наших историков. Очень жаль, что автор не использовал работ советских историков А. Б. Рановича, Р. Ю. Виппера, С. И. Ковалева, которые могли бы быть полезны для его исследований.

А. Каждан

V. GORDON CHILDE, New light on the most ancient East, L., 1952, 255 стр.

Труды известного английского прогрессивного историка и археолога, профессора Лондонского университета Гордона Чайльда уже нашли свою оценку на страницах ВДИ³. Каждая новая работа Г. Чайльда встречает неизменное внимание и находит признание в нашей исторической науке. Поэтому с большим интересом была встречена и рецензируемая работа Г. Чайльда, представляющая собой последнее, переработанное издание его более ранней работы, вышедшей в 1928 г. примерно под тем же названием — «The most ancient East». В этом издании автором широко использован новейший археологический материал.

¹ W. L. K n o x, Some hellenistic elements in primitive christianity, L., 1944.

² См. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т XIV, стр. 367.

³ ВДИ, 1947, № 2, стр. 98—104.

По своим воззрениям Г. Чайльд близок к марксизму, что находит отражение в его исторических построениях, хотя он и не всегда преодолевает влияние различных буржуазных концепций. С чувством симпатии Чайльд относится к достижениям советской исторической науки.

Две первые главы рассматриваемого труда Г. Чайльда — «От истории к предистории» (стр. 1—13) и «Закладка исторической арены» («The setting of the stage» — стр. 14—131) представляют собой краткое вступление. Автор подчеркивает огромное значение изучения древнего Востока для правильного понимания отдаленного прошлого «немой» Европы. Европейская предистория, по его глубокому убеждению, является «прежде всего и главным образом историей восприятия или, еще лучше, применения восточных начал» (стр. 2).

Затем довольно бегло Чайльд рассматривает вопрос об абсолютной и относительной хронологии Египта и Месопотамии и сообщает свои наблюдения относительно этнического состава населения этих стран. Здесь же автор отмечает необходимость широкого использования этнографических данных для изучения аналогичных социальных и религиозных институтов, существовавших в глубокой древности.

Во второй главе дается краткая характеристика палеолита Афразии с учетом его отличительных признаков по сравнению с европейским палеолитом. Огромное значение автор придает переходу к земледелию и скотоводству, который характеризуется как «экономическая революция, величайшая в человеческой истории после открытия способа добывать огонь» (стр. 23). С полной уверенностью Чайльд утверждает, что родиной земледелия и скотоводства была Афразия. Переход от простого присвоения даров природы к выращиванию злаков и приручению животных сначала произошел в азиатской и лишь несколько позднее в африканской части указанной автором зоны (стр. 25). В отношении овцеводства приоритет Азии представляется автору совершенно доказанным (стр. 26).

Переходный период к новой экономике, в основе которой лежит производство пищи (food-producing economy), по мнению автора, можно проследить особенно хорошо в истории древней Палестины, где зафиксирована типичная мезолитическая культура. Наличие древнейших серпов и пестиков для толчения зерна показывает, что, если натуфийцы не были еще настоящими земледельцами, то во всяком случае широко использовали полезные растения и стояли на пути к сельскохозяйственному хозяйству.

Следующие три главы, составляющие почти треть книги (стр. 31—101), посвящены додинастическому и раннединастическому Египту.

В главе третьей — «Древнейшие египетские земледельцы» автор характеризует четыре неолитические культуры Египта. Древнейшими египетскими земледельцами и самыми примитивными ирригаторами в Верхнем Египте автор считает тасийцев. При этом делается существенная оговорка, что основной продукт тасийцам доставляли по-прежнему охота и рыболовство, а земледелие и скотоводство являлись важными, но добавочными занятиями.

Несколько более поздними и притом самостоятельными культурными очагами были, по мнению Чайльда, районы Меримде-Бенисаламе (западная Дельта), Фаюм (несколько южнее) и Эль-Омари (на юг от Каира). Особенный интерес представляет культура Эль-Омари, обнаруженная в 1942 г. и имеющая ряд совершенно своеобразных черт. Интересно наличие здесь особого злака (однозернянки), который типичен для Малой Азии, в Египте же нигде и никогда до сих пор не был зафиксирован. Все три северных очага заглохли в конце неолитического периода. Переход к хальколиту ясно проследить удастся лишь на юге Египта, где бадарийская культура, характеризующаяся появлением первых медных орудий, оказывается непосредственным продолжением тасийской (стр. 42).

Чайльд возражает против теории нубийского происхождения бадарийцев. Основываясь на раскопках Оркеда в Хартуме в 1945 г., он указывает на замедленные темпы экономического развития Нубии по сравнению с додинастическим Египтом (стр. 47). Выводить древнейших египетских земледельцев из Судана, по его мнению, невозможно. Можно предположить, что их родиной была Сахара, однако доказать это нельзя.

Вместе с тем автор отмечает сходные черты неолитических культур Судана, Сахары и Египта, особенно в керамике. Археологические данные, подкрепленные наблюдением лингвистов и этнографов, также свидетельствуют об африканском характере египетского неолита, хотя и нельзя отрицать азиатские элементы, весьма отчетливо выступающие в Нижнем Египте (стр. 48—49). Поэтому стремление Перри установить приоритет Египта в сфере сельского хозяйства, как полагает Г. Чайльд, не оправдывается фактами (стр. 45).

Вопрос о дальнейшем сочетании местных африканских и чужеземных азиатских элементов трактуется Г. Чайльдом в четвертой главе — «Африканцы и азиаты на берегах Нила». Отмечая значительные сдвиги в сельскохозяйственной технике и ремесле, наблюдаемые в амратийский и особенно в герцейский период, автор прослеживает усиление связей Египта с Передней Азией, Эгейским бассейном, а также с ливийцами. Признавая наличие значительных азиатских элементов в герцейской культуре (грушевидные булавы, кинжалы со стержнем, своеобразная керамика) и постепенное распространение этой культуры с севера на юг, автор, однако, воздерживается от широких и рискованных выводов. Он считает невозможным говорить о смене местной (амратийской) культуры чужеземной (герцейской) и предлагает более осторожную гипотезу о чужеземном влиянии, распространяющемся медленно и постепенно и отнюдь не предполагающем полного разрыва между Эль-Амра и Герце. Г. Чайльд приходит к выводу, что гипотеза К. Зете о додинастическом объединении Египта под эгидой Гелиополя не подтверждается археологическими материалами (стр. 73—76).

В главе пятой — «Возвышение фараонов» речь идет об объединении Египта и первых династиях, начиная с династии Скорпиона, которая предшествовала первой династии и условно называется нулевой. Большое внимание автор уделяет гробницам фараонов и вельмож, которые он сравнивает по масштабам и приемам строительной техники со скромными герцейскими погребениями. На основании этого сравнения Г. Чайльд делает вывод об огромном хозяйственном прогрессе, имевшем место в этот период. Социальные и экономические последствия объединения Верхнего и Нижнего Египта Г. Чайльд называет революционными (стр. 86). Он решительно отказывается приписать этот расцвет египетской цивилизации внешним влияниям или вторжениям, отвергая теорию де Моргана о шумерском происхождении египетской металлургии и египетской письменности и домыслы Ф. Петри о новой династической расе (стр. 99). Несомненно, как замечает автор, сношения Египта с внешним миром усилились при первых династиях, особенно с азиатскими народами; но влияния были взаимными, и общие черты египетской и шумерской культуры не означают проникновения цивилизации из передового Шумера в отсталый Египет. К тому же подобное допущение оказывается несовместимым с исправленной хронологией древней Месопотамии. Эта точка зрения относительно полной самостоятельности двух великих древневосточных цивилизаций (что отнюдь не исключает взаимодействия между ними) находит дальнейшее развитие в следующих трех главах книги Чайльда, посвященных Месопотамии (главы VI—VIII, стр. 102—172).

Основной тезис шестой главы содержится уже в ее названии — «Колонизация Месопотамии». Автор с большой настойчивостью утверждает, что «неолитическая революция» (т. е. переход к земледелию и скотоводству) произошла не в самом Шумере¹, а за его пределами (стр. 104—115). Первые земледельцы проникли в Месопотамию из Сирии, с востока, а возможно, и с юга. Принесенные ими зачатки культуры изменялись и развивались путем приспособлений к новым географическим условиям. Древнейшее земледельческое поселение Хассун в Месопотамии (близ позднейшего Ашшура) относится уже к переходному периоду от неолита к хальколиту, так называемому протохальколиту. Наиболее примечательным орудием этого поселения оказывается деревянный серп с каменными зубьями, закрепленными асфальтом. В этот период уже существовали

¹ Я придерживаюсь установившейся у нас транскрипции и не следую за Г. Чайльдом, который Шумер называет Сумером, Эль-Обейд — Убаидом и т. д.

широкие связи с Арменией, откуда доставлялся обсидиан, Сирией, Палестиной и Нижним Египтом, на что указывает распространение керамики с слочным орнаментом, а также с Ираном.

Далее автор подробно анализирует халафскую культуру, возможно возникшую в Ассирии, и обейдскую, растространявшуюся с юга на север, на смену халафской. Эти культуры являются хальколитическими. Необычайная редкость медных изделий объясняется автором тем, что эти изделия тщательно сохранялись для вторичного использования. Основным населением Месопотамии в это время Г. Чайльд (вслед за Франкфортом) считает так называемых протошумеров, распространившихся на севере вплоть до Ассирии включительно.

В протошумерском обществе огромную роль играли храмы, владевшие большей частью земли и распоряжавшиеся прибавочным продуктом (или, как говорит Г. Чайльд, «социальным избытком»).

Резкие социально-экономические перемены происходят в следующий период — урукский. Седьмая глава, в которой идет речь об урукской, а также джемдет-нарской культуре, озаглавлена «Городская революция». Этим названием автор, по существу, обозначает второе крупное общественное разделение труда, сказавшееся в появлении гончарного круга, усовершенствовании металлургии, хотя настоящая бронза еще не была изобретена, выделении группы ремесленников и возникновении крупных поселений, которые уже можно назвать городами.

Все эти перемены были результатом внутреннего социально-экономического процесса. Проникновение новых этнических элементов (возможно семитических) не исключено, но оно ни в коем случае не играло решающей роли. Г. Чайльд с полным основанием считает, что ни в урукский, ни даже в джемдет-нарский период государство еще не сложилось. Только появление царских гробниц в Уре, Мари, Кише и Сузах свидетельствует о существовании царства в полном смысле этого слова (стр. 154). Рассмотрению этих грандиозных архитектурных сооружений и их инвентаря посвящена главным образом восьмая глава, озаглавленная «Раннединастический период». Внешним отличительным признаком этого периода автор считает новый тип кирпича (плоского с одной стороны и выпуклого с другой) и новый тип кладки (в елочку).

Говоря о возникновении первых шумерийских государств, Г. Чайльд обращает внимание на «дифференциацию экономических классов внутри общин» и отмечает, что «их сталкивающиеся интересы могут лучше всего быть примирены подчинением независимому авторитету» (стр. 156). Автор отрицает резкий разрыв между Джемдетнасом и раннединастическим периодом и усматривает в них определенную преемственность как в технике, так и в формах изделий, относящихся к этим периодам (стр. 165).

Много меньше внимания, по сравнению с Египтом и Месопотамией, уделяет Г. Чайльд индийской цивилизации в III тысячелетии до н. э. Ее рассмотрению посвящена всего одна глава — девятая (стр. 172—188). Это, однако, не означает недооценки автором достижений древнейших обитателей долины Инда. Г. Чайльд считает, что народ, обитавший в III тысячелетии на берегах Инда, в некоторых отношениях опередил своих шумерийских и египетских современников, создав самостоятельную культуру, находившуюся во взаимодействии с месопотамской (стр. 177). Отмечаются также значительные размеры территории, на которую распространилась протондийская цивилизация (в четыре раза больше Шумера и Аккада).

Отличительной чертой империи, существовавшей в III тысячелетии до н. э. в долине Инда, Г. Чайльд считает наличие двух столиц (Хараппы и Мохенджо-Даро), в то время как для Египта типична политическая унификация, а для Месопотамии — децентрализация (стр. 174).

В десятой главе своей книги Г. Чайльд говорит об археологических памятниках Ирана, а в следующей — о находках в Сирии и Палестине.

В заключительной главе — «доказательство диффузии» («Proofs of diffusion») автор подводит итоги своим наблюдениям. Итоги и выводы, естественно, делаются в духе этой теории диффузии культур, которую исповедует автор и которая уже была разоб-

рана на страницах советской печати¹. Г. Чайльд еще раз повторяет, что египетская и индийская, а также сузианская цивилизации не были репродукцией шумерийской, хотя последняя и является более древней. И Египет и Индия были в контакте (прямом или косвенном) с Шумером еще до того, как у них возникла цивилизация, однако форма государства, сложившегося в этих странах, была различной. В то же время многие изобретения, возникшие в одной стране, проникали затем в другие. Гончарный круг, повозки, парусные суда распространялись в разные стороны из Шумера. Египту принадлежит приоритет в выработке фаянсовых изделий уже в герцейский период. Металлургия развивалась самостоятельно в разных странах, но отдельные типы металлических изделий проникали с востока в Малую Азию, Эгейский бассейн и далее в Дунайский. Древнейшим очагом металлургии Г. Чайльд, вслед за Франкфортом, считает Закавказье (стр. 242). Войны и торговля с цивилизованными странами ускоряли развитие более отсталых «варварских народов».

Таково, в общих чертах, содержание книги Г. Чайльда, столь краткий обзор которой лишь в слабой мере может дать представление о богатстве собранного автором материала. Сведения, разбросанные в специальных и часто малодоступных изданиях, тщательно собраны Г. Чайльдом и достаточно полно изложены. Автором учтены результаты новейших раскопок и открытий (Эль-Омари, Хартум, Хассун), что делает рецензируемый труд особенно ценным для археологов и историков древнего Востока.

Выводы автора отличаются большой осторожностью и продуманностью. Вопреки столь распространенной в буржуазной историографии тенденции выдвигать на первый план «избранную» страну и «избранный» народ, объявляя его создателем мировой культуры, Г. Чайльд подчеркивает своеобразие и особенности каждой культуры и страны древнего Востока.

Отдавая должное достижениям древних египтян, Г. Чайльд, однако, отвергает, как мы видели, преувеличения, допущенные в этом отношении Перри. Признавая в ряде случаев приоритет Месопотамии, он, однако, далек от мысли выводить египетскую или протоиндийскую культуру из Шумера. Каждый раз автор подчеркивает двусторонний характер экономического и культурного взаимодействия. Отмечая в каждом отдельном случае антропологические особенности населения, он, однако, никогда не связывает с тем или иным расовым типом экономические и культурные достижения того или иного народа. Так, например, в главе, посвященной протоиндийской цивилизации автор говорит о необычайном разнообразии расовых типов в бассейне Инда в III тысячелетии до н. э., но сама культура признается им единой и создание ее не приписывается только лишь одной из рас (стр. 175).

Основной причиной социально-экономических, политических и культурных перемен Г. Чайльд считает переход к новым занятиям, изобретение новых орудий и увеличение народонаселения, т. е. по существу рост производительных сил, хотя не всегда эта мысль выражена с полной ясностью. Благоприятные природные условия и миграции, которых он отнюдь не отрицает, рассматриваются им как моменты ускоряющие общий ход развития, но отнюдь не в качестве основных факторов. Автор отмечает большую роль ирригации для установления прочной оседлости. Земледелец, по справедливому замечанию Г. Чайльда, не желает покидать почву, созданную его трудом.

Однако автору не удалось показать разложение первобытно-общинного строя и формирование первого в истории классового общества. Прослеживая на основании археологического материала процесс имущественной дифференциации, он не дает четкой характеристики зарождающихся классов и обходит вопрос о классовой борьбе. Отмечая на стр. 53, на основании анализа статуэток, первые свидетельства о зарождении рабства, Чайльд в дальнейшем не останавливается на этом своем выводе и, характеризуя военные столкновения и захват скота, добычи и земли, не упоминает о пленниках, обращаемых в рабов (стр. 78).

Земледельцев, работающих на земле шумерийских храмов, автор называет арендаторами, издольщиками или поденщиками и считает, что подобная система эксплуатации

¹ ВДИ, 1947, № 2, стр. 98—104.

сохранялась от времен Обейда до правления Урукагины. Таким образом, для всего этого периода автором молчаливо признается отсутствие рабства, хотя на стр. 130 появляется запоздалое упоминание автора об изображениях связанных пленников, свидетельствующих о наличии рабства. Весьма неопределенны представления автора о «бедных классах» Шумера, употребляющих, в отличие от царей и знати, медные, а не золотые украшения (стр. 162); в этом случае остается неясным, какой социальный слой имеется здесь в виду. Совершенно опущена роль государства (в частности египетской деспотии), как орудия господствующего класса. На стр. 89 дается довольно идиллическое описание деятельности первых фараонов, положивших конец внутренним междоусобицам и обеспечивших дальнейший подъем хозяйства. Не показан хищнический характер внешней политики первых рабовладельческих государств. Автор с полной серьезностью заявляет, что шумерские и аккадские цари заботились лишь о защите цивилизации от горцев и об охране мирных купцов, отправляющихся в соседние страны (стр. 169). Однако здесь упущен общеизвестный факт, что в составе первых рабов Месопотамии преобладали соседние горцы.

В некоторых случаях совершенно неприемлема социальная терминология Чайльда: например, харалпская буржуазия III тысячелетия до н. э. (стр. 175), капитал, вложенный в землю древнейшими египетскими земледельцами (стр. 24). Слишком часто говорит автор о всевозможных революциях (неолитической, урбанической), причем он не останавливается перед сравнением подобных «революций» с индустриальным переворотом в Англии (стр. 23). Очень странно звучит выражение «кафедральный собор» (cathedral) в применении к протошумерийскому храму.

Г. Чайльд не дает характеристики неолитических и хальколитических культур Закавказья и Средней Азии. Лишь мимоходом он отмечает значение этих стран, в частности Закавказья, как важного очага металлургии.

К сожалению, Г. Чайльд не учитывает археологические открытия советских исследователей. А между тем сравнение ювелирных изделий урских гробниц с весьма сходными с ними находками в майкопских курганах и в курганах Триалети позволили бы автору проследить элементы взаимосвязи этих культур. Выпали из поля зрения Г. Чайльда и открытия советских археологов в Хорезме и Туркмении, где за последние годы сделаны важные открытия по хальколиту.

Некоторое сомнение вызывает преувеличение автором подвижности охотничьих племен и возможности значительного взаимодействия между ними (стр. 23). Спорны отдельные хронологические выкладки автора, например утверждение, что Таса древнее, чем Меримде-Бенисаламе, чрезмерное увеличение длительности урукского периода — на все IV тысячелетие и пр.; некоторая неясность имеется и в вопросе о первом появлении бронзы в Месопотамии.

Следует считать неудачным упоминание о яфетидах, хотя и в шпайзеровском смысле (стр. 12), т. е. как об этнической группе, а не стадии.

В целом же, несмотря на имеющиеся недочеты, труд Г. Чайльда представляет большой интерес. Ценный и хорошо подобранный археологический материал, а также ряд интересных наблюдений и выводов автора заслуживают внимательного ознакомления с ними историков древнего мира. Поэтому представляется желательным и эту работу Г. Чайльда видеть переведенной на русский язык.

Д. Редер

M. WHEELER, The Indus civilization, Cambridge history of India, Cambridge, 1953.

Древнейшая культура бассейна Инда, открытая тридцать с лишним лет назад индийскими археологами Дайя Рам Сахни и Р. Банерджи, до сих пор еще не изучена во всех ее многообразных проявлениях. Ныне, как и четверть века назад, остается